

ТОЧКА ПРЕРЫВАНИЯ

James Roberts

Каждый солярный цикл, в полночь, когда звёзды сверкали на небе, а мир под ними спокойно вращался, он полировал оптику Спрингера.

настоящей необходимости в этом не было. Воздух в ремблоке подвергался тройной фильтрации и криоконтролю, поэтому был совершенно свободен от пыли, грязи или летучих микроассасинов, подсланных десептиконами (хотя он не был уверен в том, что наноконны – не плод его воображения; всё-таки, одиночество способно играть в жуткие игры с разумом).

Рoadбастер полировал оптику Спрингера лишь потому, что заботился о нём.

Вскоре после того, как Крушитель добровольно начал приглядывать за своим лидером, находящимся в глубокой коме, Рoadбастер сообразил, что рутина – лучший помощник в борьбе с изнурительной скукой. По утрам он сначала проверял систему безопасности Дебрис – заброшенной космической станции (в прошлом опорной базы Крушителей), висящей высоко на орбите планеты Гидрус-5. Он проверял все замки, проходил по всем коридорам, то тут, то там включал освещение и разговаривал с саркофагами в Зале Поминовений.

- Здравствуй, Топ Спин, здравствуй, Твин Твист. Доброе утро, Роторсторм. Как поживаешь, Айронфист? Привет, Пиро.

Потом, после полудня, он включал свой датапад и заставлял себя читать, радуясь, если удавалось закончить фразу, не скривившись. А вечером – в его любимую часть 120-часовых суток – он разрабатывал новые виды вооружения. Он растерзывал содержимое всего своего громадного арсенала, чтобы создать что-нибудь ещё более монструозное. И, наконец, ближе к полуночи, он откладывал в сторону, отцеплял от себя или вылезал из своего самого последнего творения, и брался за пульверизатор. Наклонялся к неизменно

невозмутимому лицу Спрингера, – сочетанию строгих граней и острых теней, – и начинал промывать оптические желобки, стерилизовать ретиноволокна и очищать расширенные фоторецепторы.

Спрингер, естественно, не шевелился. Он не сделал ни единого движения вот уже почти девять месяцев. Безжизненной грудой лежал его массивный корпус на платформе, бросая вызов силам внешнего мира, полностью безразличный к происходящему вокруг.

Рoadбастер очень плохо разбирался в чужих культурах, но и он слышал, что многие органические расы верили, что глаза – это зеркало души. В случае с кибертронцами это, фактически, было правдой; посредством сложной внутренней системы из отверстий и перегородок, оптику подсвечивала сама Искра. Чем ярче оптика, тем здоровее Искра. Но и обратное тоже было верно, поэтому Рoadбастер редко заглядывал в оптику Спрингера во время процедуры: это вгоняло в печаль. До того самого инцидента на Гаррус-9, когда Оверлорд загнал свою пятерню под его суровую лицевую пластину, оптика Спрингера была ослепительно голубого цвета. И не простого голубого, а «матричного», как у Оптимуса Прайма. Что, несомненно, свидетельствовало о том, что Спрингер был совместим с Матрицей Лидерства. Теперь же весь этот свет исчез, замкнулся в самой Искре, в попытке сохранить её исчезающую энергию. Теперь, вне зависимости от частоты полировки, оптика Спрингера меняла цветовой диапазон от мутного стекла или залитого дождём бетона до грозовой тучи.

Все это означало лишь одно: несмотря на усилия гигантского реанимационного комплекса (а он насчитывал дюжины единиц оборудования и поглощал такое количество энергии, которой хватило бы, чтобы осветить тёмную сторону Луны-2), Спрингер был при смерти. Рoadбастер мало что знал о стойких вегетативных состояниях, но он был уверен в одном: пока Спрингер был жив, пока его гробоподобный корпус нёс в себе хоть каплю энергии, она вся была сосредоточена в нейроцепях его мозгового модуля.

Спрингеру не выпало шанса сказать последних слов; последнее, что ему оставалось - мысли.

Спрингер лежал «там», не зная где; не осознавая, жив он или мёртв, или балансирует между первым и вторым – и движется в обоих направлениях сразу.

Его разум перенёсся в далёкое прошлое, когда Войне ещё предстояло заслужить себе заглавную букву. Тогда, когда обе стороны утверждали, что количество жертв среди гражданского населения никогда не побьёт отметку в один миллион. И когда все вокруг всё ещё говорили, что «это всё минует через сотню-другую лет», а Спрингер мыслил полярными категориями. Право или несправедливость, добро или зло, чёрное или белое – всё поддавалось вполне ясной категоризации. Кодекс Автоботов представлял собой не что иное, как набор жизненных правил, и именно таким автоботам, как он – широкогрудым и стойким духом – полагалось отстаивать Кодекс словом и делом.

И многие годы именно так он и пробивал себе дорогу по жизни: довольный своими автоботскими принципами, сильный, несгибаемый, всегда уверенный в показаниях своего морального компаса.

В его мире существовали Злые Десептиконы и Героические Автоботы, и эти фракции заметно отличались друг от друга. И он часто думал: «Круто. Если я что-то про себя и знаю, так это то, кем я *не* являюсь. А я не был и никогда не буду десептиконом».

Но после многих ворн на линии фронта, то продвигаясь вперёд, то отступая, захватывая и теряя территорию, он пришёл к выводу, что быть просто хорошим автоботом мало для победы.

Быть простым солдатом сил добра было скорее обузой; тем, что замедляло, стесняло его. Он жаждал большего. Он хотел оставить свой след в истории. Он хотел стать Крушителем.

О Крушителях в те дни мало что было известно. У них даже не было названия. Их упоминали абстрактно или иносказательно, их существование подтверждалось исключительно косыми переглядываниями знающих ботов. Тогда не было Физитрона, скрупулёзного хроникёра их подвигов; лишь слухи, распространяемые устно: друг чьего-то друга услышал краем аудиодатчика разговор между двумя автоботскими командирами; или курсант, стараясь починить коротковолновой передатчик, случайно перехватил детали секретной миссии; или кто-нибудь видел десептикона, который ковылял по улице в состоянии предсуицидального аффекта, истерически лопоча что-то о гарпунах, после чего засовывал дуло бластера в рот, чтобы завершить то, что начали Импактор сотоварищи.

Спрингер вспоминал свою первую встречу с Импактором. Он стоял у подножия моста Шерма, стараясь угадать его высоту, чтобы протестировать свою проагрейженную гидравлику в сервоприводах, когда пылающая эвакуационная капсула шаттла десептиконов вылетела из портала и проскочила между арками моста. Управлял капсулой жёлто-лиловый робот с выдвигаемым буром вместо руки; верзила, пробивший кулаками кокпит кабины, вышвырнувший оттуда десептикона, и успешно приземлившийся прямо у подножия мемориальной статуи Зеты Прайма.

Импактор и его Крушители.

Третья фракция.

Разделительная черта между автоботами и десептиконами.

Он знал, что ему следовало держаться подальше от них, но не мог побороть себя. Лично для него эта шайка Импактора, это братство прошитых пулями, пожженных пламенем и залитых энергоном отступников значила многое. Они ворвались в жизнь Спрингера словно разъярённый шестифазник² и поделили жизнь на «до» и «после». Они наставляли десептиконов на путь истинный, и если для успеха им требовалось применить определённую дозу насилия, скрутив врага в бараний рог, – ну, это же для общемирового блага. Извиняться было не за что.

Через несколько месяцев после инцидента на мосту Шерма он попросил Капа зачислить

его в списки резерва Крушителей – даже тогда это могло быть расценено не просто как стремление погибнуть во имя Дела Автоботов, а как настойчивая заявка на как можно более раннюю и мучительную смерть.

Долгое время не было ответа, и такое было в порядке вещей: никто из резервистов даже не представлял, что его кандидатура одобрена, пока Импактор собственной персоной не заявлялся к нему в личный отсек – или на поле боя, как это было в случае со Спрингером. Он помнил эту встречу также отчётливо, как и тот день, когда получил свой автоботский знак: он был на задании с Гелиоботами, отслеживал сигнал бедствия в Болоте Токсичных Осадков, территории, занятой смертоносными слайсерами¹ – когда Импактор буквально свалился на него с неба, вырубил восемь затаившихся в тумане десептиконов с клинками наизготовку, и протянул ему свою могучую руку:

- Ты, должно быть, Спрингер. Ты знаешь, почему я здесь. Нам пора.

После чего, с помощью всего одного рукопожатия, с его старой чёрно-белой жизнью “до” Крушителей было покончено.

- Его функционирование ещё не закончилось, - сказал Капут Родбастеру в тот день, когда пациента привезли в Дебрис. - Но с медицинской точки зрения, его физиологическая смерть уже началась.

Родбастер помог миниатюрному Капуту перенести Спрингера на зарядную платформу и наблюдал, как медик подключал энергоновые капилляры в систему из приёмных отверстий, специально просверленных в корпусе командира, чтобы максимально усилить энерготок.

Кап тоже был поблизости, пожевывал свой сайгар, нарезал круги вокруг платформы, практически протоптав в полу траншеи, и не проронил ни звука.

- Как вам удалось спасти его лицо! - воскликнул Родбастер, касаясь подбородка Спрингера в поисках явных признаков реплантации.

Капут повернул обод колеса, которое помогало ему перемещаться:

- Благодаря Импактору. Он держал его, когда мы прибыли на Г-9. А хватка у него будь здоров.

- Ну, вы успешно вернули его на место. Выглядит как новенький.

- Он лучше, чем с конвейера. Мы с Фикситом починили абсолютно всё, внутри и снаружи. Полностью обновили ему корпус. Помните, у него, бывало, шумело в конечностях? Когда он слишком резко вскакивал или останавливался после бега? Такой жужжащий звук?

Родбастер взглянул вверх, внезапно осознавая всю скорбь, которую сейчас испытывал Кап, и снова переключился на Спрингера.

- Его это здорово смущало, но да. Что-то у него там с ногами было? Переразогнанные роторы?

- Вот, даже их починили. Поди-ка сюда, - Капут подтащил Родбастера поближе к корпусу

командира. - Слышишь? Очень тихий ход.

Рoadбастер выпрямился.

- Ну тогда давай, скажи мне. Я знаю это от других, теперь хочу от тебя услышать. Что с ним не так? Почему он не приходит в себя?

Капут нарочито отвлёкся на повторное подключение свободного капилляра для энергоподачи.

- Проул прислал свои соболезнования, - проямлил он.

- О, он тоже в курсе? И что он сказал? Конкретные слова?

Тишина.

Капут стёр воображаемое пятнышко грязи с груди Спрингера и сказал, не спуская глаз с пациента:

- Он не может прийти в сознание потому, что мы никак не можем найти точку прерывания.

Раздался грохот кресла, которое Кап пинком зафутболил через всю комнату.

Рoadбастер неотрывно смотрел на Капута.

- Уверен, вы сделали всё, что могли, - в конце концов проговорил он, после чего с жаром добавил: - потому что если я узнаю, что это не так – если я обнаружу, что вы сдались на долю наносекунды раньше, чем было необходимо – я возьму Потрошитель и разнесу вас на части.

Это было тогда.

Это было до того, как он провёл шесть месяцев, наблюдая за тем, как тот, кем он так восхищался, день за днём приближался к смерти. Сейчас Рoadбастер жалел о том, что не схватил тогда Капута за плечи, заглянул ему в единственный рабочий окуляр, и высказал всё как на духу.

Органические расы, как правило, отличались весьма урезанным восприятием кибертронской физиологии. Только потому, что автоботы и десептиконы были механоидами, только потому, что их можно было разобрать на детали и собрать, непосвящённые были уверены в том, что в мире техномедицины не оставалось места загадкам. Но была причина тому, что Рэтчет, Фиксит, Фарма, Капут и им подобные предпочитали называться докторами и хирургами, а не механиками и инженерами, и эта причина помещалась у каждого кибертронца в груди. Искра (по мнению Высших Рас — настоящий мистический феномен) превращала механический корпус из грубого прямоугольника с передвижными частями в нечто иное. Нечто гораздо менее предсказуемое. Разумность меха, похоже, всё сильно усложняла.

Точка прерывания — термин, обозначающий бесконечно малую каверну между двумя нейроцепями — разрыв, который мешал живительному току Искры по корпусу.

Рoadбастер не был силен в техномедицине, но он знал, что некоторые повреждения грудной секции или мозгового модуля способны создать эту фатальную брешь — крошечную кисту из тёплого воздуха между двумя важнейшими проводниками энергии,

невидимыми даже для самых сверхчувствительных сенсоров. Этот микро-вакуум и сбивал Искру с курса и, в конечном счёте, лишал корпус жизни.

Время от времени можно было услышать о чудесном исцелении – на ум сразу приходил Ультра Магнус – и эксперты говорили, что медик или оплакивающий случайно нажал на невидимую Нулевую точку и полученный толчок каким-то образом закрыл эту прореху.

Рoadбастер взял в руки датапад. «Полное собрание сочинений Физитрона» содержало 332 даталога «Крушители: Рассекречено», и много дополнительных материалов. Выпуск коллекционного издания был приурочен к возведению статуи Айронфиста на Кимии, и содержал всякую ерунду вроде «душевного» предисловия Проула, написанного со всей теплотой и нежностью судебной повестки.

Рoadбастер никогда не подписывался на даталоги Физитрона: как некоторые не выносили звук собственного голоса, он ненавидел любые упоминания своего «персонажа». Был ли он действительно таким бесхитростным и рьяным фанатиком? Если верить Физитрону, все его реплики сводились к тому, какой ствол он собирался приобрести, только что приобрёл, или поражался разрушительной силе его оружия.

Он провел указательным пальцем по странице, силясь найти, на каком месте он в прошлый раз закончил читать.

Просто взять датапад и читать Спрингеру вслух оказалось для него непростой задачей. К примеру, Крушителю пришлось научиться читать. Как, скажем, глядеть на Бамблби без желания похлопать того по головке, или поддерживать разговор с Оптимусом Праймом и не пытаться поймать свечение Матрицы в стеклопласте на его грудной броне — умение читать было одним из тех маленьких полезных навыков, которым он научился лишь недавно.

А всё из-за Капа, который, после того, как Спрингера перевезли на Дебрис, попросил одного из своих старейших друзей, Ранга, дать психологическую оценку состоянию трёхрежимника.

- Загвоздка – не в теле, - заключил Ранг, имя в виду предполагаемую точку прерывания. - Загвоздка в его психике. Никто особенно не разбирается в свойствах Искры, но я думаю, что она психочувствительна и реагирует на определённые триггеры...

Рoadбастеру в тот момент пришлось перестать пялиться на огромные брови Ранга и проявить активный интерес в разговоре:

- Триггеры?

- Эмоциональные триггеры. Если в нём можно пробудить достаточно мощный эмоциональный отклик – любовь, ненависть, ярость, гордость – это может стимулировать его, естественно подсознательно, заставить свою Искру преодолеть синаптическую полость. С ним нужно каким-то образом установить контакт.

- Контакт?

- Говори с ним.

- Говорить с ним? О чём?

- Не знаю, ностальгируй о старых добрых днях. Обо всех убитых десептиконах.

- По правде говоря, Ранг, у меня кое-какие проблемы, э... с...

- С общением?

- ...ну да.

Ранг вытащил датапад из своего грудного отсека и вручил его Родбастеру.

- Полное собрание сочинений. 332 истории о войне. Читай ему по парочке таких на ночь и посмотрим, что будет.

Родбастер прочёл уже все даталоги, кроме одного. На самом деле, он читал оставшийся 331 даталог дважды (во второй раз было проще управляться со сложными словами, которых он первоначально избегал).

- Итак, Спрингер, - пробормотал он, найдя седьмую главу «Воздушной Атаки Крушителей». - Где мы остановились? Ах да, летучая буровая платформа. Вау. Тот ещё денёк выдался. Так, посмотрим.... Мегатрон только что раздробил Импактору руку и готовится прострелить ему голову... “никогда не стремился жить вечно”... “пожнёт бурю”... “вся грязная работа”... “бескрайняя власть”... А, вот мы где:

Еле живой Импактор пытался приподняться с пола буровой платформы, которая кренилась вниз, в сторону Марганцевых Гор. Когда Крушитель поднял голову, то осознал, что оставил на ней кое-что очень важное: свой рот. Когда его челюсть отвалилась и укатилась куда-то далеко, он почувствовал, как в его затылок упирается дуло пушки Мегатрона. Это было оружие второго поколения: микрокалиброванная, усиленная антимагией, полноспектральная Mk II ядерная пушка.

Мегатрон посмотрел на него сверху вниз своим злодейским взглядом.

- Все конечно, Импактор, - и лидер десептиконов растянулся в садро... сара...

Родбастер приблизил датапад к лицу.

- Сардонической?

Он показал датапад Спрингеру.

- Вроде правильно прочитал? Хм. Ладно...

- Все конечно, Импактор, - и лидер десептиконов растянулся в сардонической ухмылке. - В последний раз огляди этот мир, и пойми, что прекрасная смерть манит тебя. Не уклоняйся от её нежного поцелуя, но беги ей навстречу с распростёртыми объятиями, и падай прямо в её удушающие тиски. Прильни к тьме, бьющейся на краю твоего сознания.

Импактор сосредоточил остаток сил в своей изувеченной право руке. Он не мог поднять свой гарпун, но в этом не было необходимости. Он царапал лезвием по металлу, выводя букву за буквой, пока не написал фразу всего из двух слов:

ДОЛОЙ ПОЭЗИЮ

Мегатрон сделал паузу. Возможно, он был застигнут врасплох простотой

последних слов Импактора; возможно, у него заела ядерная пушка (обычно дело с Mk II); возможно, он ожидал, что последуют ещё слова. По неизвестной причине он замешкался – всего на секунду.

А больше Спрингеру и не требовалось.

Верный замком Импактора протаранил своим аэроскутером поясницу Мегатрона и вдавил педаль газа, пока не снёс Мегатрона с края платформы. В тот же миг Спрингер соскочил с аэроскутера, трансформировался в вертолёт и увидел, как Мегатрон летит в тысячефутовую пропасть под ними, в сторону Марганцевых гор.

- Молодца, парень, - сказал Импактор, заново прикрепив свой вокалайзер. -

- По моим подсчётам, у нас осталось четыре минуты, чтобы спасти Ксаарона, защитить Сэндсторма от его злобного двойника из антиматерии, обезвредить некропушку Бладжеона, и... что там оставалось напоследок? Ах да, остановить эту платформу, пока она не врезалась в нуклоновый реактор и не запустила цепную реакцию, которая разнесёт пол-Кибертрона на осколки.

Спрингер приземлился возле него в форме робота.

- Ты что, думаешь, мы успеем это всё за четыре минуты?!

- Нет, за две. Я приврал, чтобы не пугать тебя. Но не переживай, у меня есть план, - он вытащил что-то из своего грудного отсека. - Когда я подам сигнал, возьми эту искусно детализированную микромодель Омеги Суприма и очень, очень осторожно...

Родбастер остановился, встряхнул головой и проверил, сколько ещё оставалось читать. Это была седьмая глава. Седьмая - из сорока. Он задавался вопросом, сумеет ли её закончить; он уже не мог в очередной раз читать про то, как Импактор что-то “грозно” говорил, или Спрингер “нёсся на помощь”, или Вирль “выкинул фортель”. И он бы не вынес по третьему разу декламировать даталог 98, с его бесконечными флэшбеками.

Вся эта затея с чтением была бы намного менее трудной задачей, думал он, если бы его усилия приносили хоть какие-нибудь плоды; если бы хоть что-нибудь могло заставить Спрингера... ну если не подскочить, врезать кулаком по воздуху и прокричать: “Круши и властвуй!!”, то хотя бы шелохнуться. Хотя бы что-то едва заметное, но существенное: подёргивающиеся пальцы или приоткрывающийся рот.

Ранг говорил ему об “окне возможности” помочь Спрингеру выкарабкаться, но это “окно”, похоже, неумолимо захлопывалось. И в этом смысле, несмотря на все их габариты (а эти ребята были настолько огромные, что для них строились отдельные лестничные клетки и вестибюли), окружавшие его аппараты жизнеобеспечения едва ли были полезнее хронометра. Хотя нет, даже не так; это были метрономы, отмечающие постепенное затухание долгой и очень яркой жизни.

Тик.

Так.

Его пальцы заплясали на датападе, когда открылся даталог 113. “Столкновение на Пове”. Это был единственный даталог, который он избегал читать вслух. Остальная 331 история была полна измышлений и приукрашиваний, но хотя бы передавала суть тех приключений, которые была призваны описать.

Тик.

А с Повой было совсем не так.

Так.

Пова был оглушительным враньём.

В то время Спрингер не знал, что присоединился в семнадцатому составу Крушителей. Никто из первоначальной команды до того момента не дожил (исключая Валва, которого по понятным причинам можно не учитывать³). Импактор служил дольше всех; и как только Спрингер оправился после печально известной церемонии посвящения (впоследствии запрещённой под эгидой Постановления о неправомерном использовании оружия), ироничный ветеран взял подающего надежды идеалиста под своё крыло. И если добродушный и заботливый Кап был ментором Спрингера, то Импактор был ему словно старший брат по Искре: опытный, циничный, вдохновляющий.

Поскольку Война принимала всё более отвратительные формы, в ту же сторону менялись и Крушители. Спрингер сразу изобрёл подходящий их подразделению менталитет “сначала стреляй, потом задавай вопросы”, но по мере того, как восемь бойцов становились всё более непробиваемыми как физически, так и эмоционально, — и отчуждёнными от остальной армии автоботов, “потом” превратилось в “никогда”.

- Мы – последний довод Прайма, - говаривал Импактор, обычно в ответ на придирки Спрингера по поводу дефицита совести. - Мы – ядерная боеголовка автоботской ракеты. Нас сбрасывают на врага тогда, когда все остальные тактики не срабатывают.

Спрингер только сейчас начал вспоминать, что тогда сознательно игнорировал многие нехорошие знаки: пленнику не зачли его права; или стазис-наручники закрепили на нём с такой грубой силой, что те проткнули трансформ-ядро; преднамеренно вольно истолковали “двусмысленные” моменты в Соглашении Тайреста. К этому времени он обнаружил, что закрывать на такие моменты глаза гораздо легче, чем казалось, ведь многие действия можно было узаконить, после чего с чистой совестью отмахнуться от них.

Потом нарушения неизбежно усугублялись: пинок по голове задержанного; калечащая стрельба на поражение вместо того, чтобы просто обезоружить или обездвижить; признательные показания, выбитые под пытками. Снова и снова он убеждал себя в том, что пока он не запачкал в этом собственных рук, не раздавал незаслуженных тумачков и не нажимал на спусковой крючок, то его вины в произошедшем нет. Бальзамом для его

неспокойной совести было вмешаться тогда, когда у его бойцов срывало предохранители. На одного десептикона, с которым расправлялись с невероятной жестокостью, благодаря ему приходилось ещё пять тех, кто был всего лишь парализован, или живьем похоронен на дне расплавленного океана, или одной лишь еле трепыхающейся Искрой брошен в полувырытую могилу. И даже, когда уравнение сдвинулось – вместо “один погублен, пятеро спасены” стало “пять трупов, один спасён” – он говорил себе, что этого и следовало ожидать, ведь обстановка на войне день ото дня обострялась.

К тому моменту, когда разбушевавшийся Эскадрон Икс попал в поле их зрения, Крушители были сами себе Закон. Банда развесёлых головорезов Мегатрона вызвала бы праведный гнев у любого Доброго Автобота, но в Импакторе они разбудили поистине непримиримую ненависть. Предводитель Крушителей смотрел на Макабра⁴ и компанию и узнавал в них отголоски самих Крушителей. Это было похоже на сильно искажённое и преувеличенное эхо, но отдавалось оно очень гулко.

Остановить Эскадрон Икс стало для Импактора целью номер один. К Юникрону Чёрную Эпоху, ко всем шаркам Симанзи, Крусибл и Восстание Свергнутых; Импактор делал всё для того, чтобы даже самая масштабная угроза не отвлекла Крушителей от главного — и он, Спрингер, был с этим согласен. Стоило ли удивляться, к чему это привело: безумство, разрушения и жертвы? Стоило ли удивляться, что это привело на Пову, разваливающуюся серо-зелёную планету в секторе Редан?

Годы бесхитростной погони завершились, но не мордобоем, насмешками и унылым Макабром, которого утаскивают прочь в наручниках. Они завершились в залитой дождём траншее, с выстрелом в спину; с замком на дверях и одолженной у Рoadбастера пушкой; закончились восемью пулями в восьми головах.

Дорога назад с Повы была самой долгой из всех, которые ему когда-либо выпадали. Все молчали. Тишина. После того, как Ксантиум приземлился в космопорту Г'с Семейн, он сбежал ото всех, купил коммуникуб, и сделал самый трудный звонок в своей жизни. Через мгновение он уже говорил с офицером из Высшего Командования; а тот сотни лет прождал возможности санкционировать арест, который воспоследовал очень скоро.

Первое, что он сделал после того, как увидел, как непривычно безвольный Импактор отщелкивает свой гарпун перед двумя дюжинами дроидов-охранников, было увольнение из Крушителей. И то, что за несколько недель до суда на Гаррус-9 к нему подошёл Рoadбастер и попросил занять место Импактора в качестве главы отряда, стало для него шоком. Спрингер был удивлён, в глубине Искры ему это льстило, и он попросил время на раздумия. В течение следующих нескольких дней его посетили Вирль, Бродсайд и разбитые Рэк'н'Руин⁵. Каждый из визитёров был уверен, что он единственный, и все сказали одно и то же: они боялись, что Проул использует инцидент на Пове в качестве предлога для их расформирования. Более того, каждый из них по-своему, своими словами признался, что ненавидит себя за то, что не сообразил, что Импактор намеревался делать, направляясь к ангару с пленниками.

- Я думал, он взял моё оружие для самозащиты, - сокрушался Рoadбастер. - Я думал, он боится, что Эскадрон Икс вырвется на свободу до того, как он объяснит им, что собирается удалённо отключить их стазис-наручники.

Накануне суда над Импактором – фактически, за несколько мгновений до того, как его препроводили в зал Эквитаса – Спрингер сообщил остальным Крушителям, что принял решение:

- Я буду вашим лидером. Если мы переживём это, я вас возглавлю.

Он помнил первые слова своих показаний.

- Я видел, как он убил их, - сказал он через секунду после того, как его подключили к Эквитасу.

И говорил он так так ровно, ясно и уверенно, что суперкомпьютер, запрограммированный на различение мельчайших намёков и инсинуаций, почти завис.

В самом деле, его отчёт о событиях на Пове был столь убедителен, и Спрингер так искренне заверял в непричастности остальных, что обвинение отказалось вызывать других свидетелей. И благодарные и облегчённые взгляды Родбастера, Вирля, Бродсайда и Рэк'н'Руина вознесли его выше моста Шерма.

Пова и Крушители слились в одну сплошную боль.

Позиции были заняты, линия фронта расчерчена; так или иначе, это был конец пути для автоботских командос и их заклятых врагов, Эскадрона Икс. Импактор чувствовал, что развязка близка, и когда он говорил с остальными, в его голосе безошибочно угадывалась готовность довести всё до конца.

- Или мы, или они, - сказал он сухо. - Здесь и сейчас. Эскадрон Икс - воплощение зла, и кто кроме нас положит конец их правлению...

- Всё, хватит.

Родбастер встал.

- Прости, Спрингер, довольно с меня на сегодня выдумок. Если что и стоит говорить, так это правду. Не желаю врать умирающему другу.

Он начал ошиваться вокруг платформы и думал, с чего начать.

- Мы были в ярости. Когда летели на Пову, нас трясло от злобы. Всех нас, даже тебя. Особенно тебя. Но ты... Из-за тебя Импактор бесился ещё сильнее. Ты подначивал его, раззадоривал. Помнишь, как он тебя называл? "Мой маленький зелёный стимулятор". Говорил, что ты лучше всех психологически настраивал нас на бой. Так и есть. На мостике ты напоминал нам, как Эскадрон Икс прославился своими расправами над гражданскими, взрывами мирных послов и прочим. Думаю, к тому моменту даже Бичкомбер оттяпал бы голову Макабру, будь у него хоть малейший шанс. Когда мы приземлились, то думали, что застукаем их за каким-нибудь криминалом – ну там, поджогом святыни или ещё чем – но они просто заправлялись. Мы напали на них, и они сделали то, в чём были асами: ответили тем же. Именно это тебе и было нужно, правда? Повод для того, чтобы слететь с микросхем. Всем остальным и повод-то не был нужен.

Он замолчал и посмотрел на Спрингера.

- Меня сейчас колотит, Спрингер. Мне как клинком по Искре всё это. Я могу заткнуться, могу продолжать, но меня всё равно колотит. Если можешь дать мне знак, то уже пора.

Земля не разверзлась. Потолок не обвалился. Брошенный датапад мерцал сам по себе. И в сотнях миль под ними, Гидрус-5 продолжал обращаться вокруг своей оси.

Родбастер присел на краю платформы и уставился на свои руки.

- Когда ты пополз к ангару, я пытался подсчитать твои травмы, гадал, сколько смазочной жидкости ты уже потерял, и сколько ещё можешь себе позволить потерять. И я помню... Помню, как смотрел на Вирля, а Вирль на меня. Мы с ним думали об одном и том же. "Нужно вмешаться. Остановить его. Нельзя было пускать его в этот ангар". А потом мы услышали выстрел. И второй, а потом третий. И мы с Вирлем знали, что беспокоиться больше не о чем. Ты опоздал. Я дал Импактору пушку, из которой он грохнул Эскадрон Икс, и я горжусь этим. И я горжусь им: он сделал то, на что мне бы духу не хватило. Эскадрон Икс заслуживал смерти, а он заслужил право прикончить их. Когда ты вступил в отряд, стало ясно, что именно ты любимчик Импактора, но ты не понимал, что значит быть Крушителем. Но на Пове всё изменилось. Когда ты ворвался в ангар и увидел там Импактора, тогда ты и понял. Тогда-то ты и узнал.

Он взял руку Спрингера и мельком заметил, что костяшки пальцев трёхрежимника были похожи на Марганцевые Горы.

- После того, как Импактора арестовали на Г'с Семэйн, мы все начали паниковать. Сдашь ли ты нас верхушке? Дашь ли показания, что никто из нас не помешал Импактору казнить Эскадрон Икс? Мы все знали, что ты хотел стать лидером. То есть, конечно, ты бы никогда не стал пытаться подсадить Импактора, но после того, что стряслось на Пове, ты явно думал, что твой долг... как там Проул выразился? Наставить нас на путь истинный, ага. Укротить. Ну и мы... подыграли тебе. Попросили тебя... Эх, Спрингер, вот, в чём секрет... Мы попросили тебя стать боссом, чтобы ты не донёс на нас. Потому что если бы ты сказал, что мы замешаны в преступлении, нас бы бросили в тюрьму вместе с ним. И распинаюсь я тут сейчас потому, что всё, что я тут сказал, это первый шаг к тому, чтобы извиниться. Скажу за себя, тут нет Вирля или Бродсайда, но веришь или нет... Ах, да ты знаешь, о чём я. Ты был классным лидером. Ты был самым лучшим командиром нашего отряда. Мы просто не сразу это поняли.

Он замолчал и наклонился к лицу Спрингера. Неужели это...?

Нет, не может быть.

Это что, брешь на линзе Спрингера?

Он схватил лупу и посмотрел ближе. И да, это была брешь. Или шрам. Или трещинка. Настолько крошечная бороздка, что, несмотря на все сеансы очистки и стерилизации он её не заметил.

То есть это могла быть и не брешь, просто пылинка. Может, ему просто не хватило усердия.

Он нахмурился, и левой рукой раздвинул оптические щитки, чтобы полностью рассмотреть линзы. Большим пальцем правой руки он попытался стереть брешь. Он тёр всё сильнее, но пылинка оставалась на месте.

Автобот вскинул голову, услышав какой-то непривычный звук. Он неосознанно схватился за курсовой пулемёт, висевший на спине, и тщательно просканировал пространство, пытаясь уловить движение. Наноконны объединялись в гештальт? Который мог сделать их видимыми невооружённому глазу?

В этот миг он понял, что звук исходил из коридора, от одного из аппаратов жизнеобеспечения; который сигнализировал о появлении новой линии на мониторе размером со стену; эта линия росла и падала и пыталась успеть за пульсом внезапно оживающей Искры.

Впервые за много лет у него затрялись руки, и он снова проверил брешь на правой линзе Спрингера.

Родбастер не разбирался в чудесах, но он был уверен, что в этой трещинке он сейчас едва-едва мог различить отблеск голубого цвета.

И не простого голубого.

Матричного.

К О Н Е Ц

Примечания переводчика:

1. Слайсеры — древние территориальные хищники, обитающие в пустошах Кибертрона.
2. Валв покинул стан автоботов для того, чтобы возглавить первый состав Эскадрона Икс.
3. Шестифазник — элитный воин, который задействовался на шестом этапе Завоевательного Протокола Мегатрона, когда покоренная планета, по сути, стиралась в пыль (причём практически одними его усилиями). Шестифазниками были Сиксшот, Блэк Шэдоу, Оверлорд, Еретек.
4. Макабр возглавил Эскадрон Икс после смерти Валва.
5. Рэк'н'Руин — своего рода сиамские близнецы; двое автоботов, соединённых друг с другом

после медицинской операции, которая спасла им жизнь.